

Z vědeckých posudků publikace:

Książka jest cennym, zewnętrznym oglądem tradycji literaturoznawczych na przełomie ostatnich stuleci i stanowi niezaprzeczalny wkład w przybliżeniu czytelnikowi stosunkowo mało znanych szczegółów historycznych, kulturowych i językowych. Wszystkie recenzowane rozprawy, wchodzące w skład tomu, w pełni odpowiadają kryteriom naukowym, posiadają bogatą, wnikliwie zinterpretowaną warstwę faktograficzną udokumentowaną materiałem egzemplifikacyjnym.

prof. dr hab. Emil Tokarz
członek korespondent SAZiU

Jednotlivé príspevky sú tematicky rôzne zamerané, ale spája ich všetky analýza literatúry a folklóru (zo slovanských aj neslovanských areálov), ich prínos do svetového kultúrneho dedičstva. Všetky príspevky som si so záujmom prečítala a svoje pripomienky som prediskutovala s redaktorom zborníka, ktorý ich zohľadnil pri redakčnej úprave jednotlivých textov.

prof. dr. Zdenka Gadušová, CSc.
UKF v Nitre

ISBN 978-80-88507-00-0

9 788088 507000

LITERATURA JAKO SVĚDECTVÍ PAMĚTI
SBORNÍK PRACÍ K ŽIVOTNÍMU JUBILEU prof. PhDr. IVA POSPÍŠILA, DrSc.

**LITERATURA JAKO
SVĚDECTVÍ PAMĚTI**

SBORNÍK PRACÍ K ŽIVOTNÍMU JUBILEU
prof. PhDr. IVA POSPÍŠILA, DrSc.

VERBUM : PRAHA

Recenzenti: prof. PaedDr. Zdenka GADUŠOVÁ, CSc.
prof. zw. dr hab. Emil TOKARZ

KATALOGIZACE V KNIZE - NÁRODNÍ KNIHOVNA ČR
Literatura jako svědectví paměti : sborník prací k životnímu jubileu prof. PhDr. Iva Pospíšila, DrSc. / pod redakcí Libora Pavery. -- [Bašť] : Verbum Praha, 2022
Částečně anglický, polský, ruský, slovenský a ukrajinský text
Obsahuje bibliografii
ISBN 978-80-88507-00-0 (vázáno)
* 82.0-051 * [80(=16)+908(4)]-051 * 82.0 * 80(=16)+908(4) * 821.16 * 82:316.7 * (048.8:082) * (082.2)
- Pospíšil, Ivo, 1952 květen 14.-
- literární vědci -- Česko -- 20.-21. století
- slavisté -- Česko -- 20.-21. století
- literární věda
- slavistika
- slovanské literatury
- literatura a kultura
- kolektivní monografie
- jubilejní publikace
82 - Literatura. Literární život [11]

Vědecká rada VERBUM : PRAHA, z. s.

prof. PhDr. Jiří Fiala, CSc. (Univerzita Palackého, Olomouc); prof. PaedDr. Zdenka Gadušová, CSc. (Univerzita Konštantína Filozofa, Nitra); prof. PaedDr. Alena Hašková, CSc. (Univerzita Konštantína Filozofa, Nitra); prof. WSH dr hab. Michał Kaczmarczyk (Wyższa Szkoła Humanitas, Sosnowiec); prof. PhDr. Eva Malá, CSc. (Ostravská univerzita, Ostrava); prof. PhDr. Libor Pavera, CSc. (Vysoká škola ekonomická v Praze); prof. PhDr. Dušan Pavlů (Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave); prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc. (Masarykova univerzita, Brno); prof. dr hab. Dariusz Rott (Uniwersytet Śląski w Katowicach); prof. PhDr. Miloš Zelenka, DrSc. (Jihočeská univerzita v Českých Budějovicích); prof. UEK dr hab. Zbigniew Widera (Uniwersytet Ekonomiczny w Katowicach).

© Libor Pavera, za redakci sborníku a autory, 2022

© Verbum : Praha, 2022

ISBN 978-80-88507-00-0

LITERATURA JAKO SVĚDECTVÍ PAMĚTI

SBORNÍK PRACÍ
K ŽIVOTNÍMU JUBILEU
prof. PhDr. IVA POSPÍŠILA, DrSc.

Pod redakcí
Libora Pavery

VERBUM
PRAHA
2022

John Poplstone

OBSAH

JUBILANT IVO POSPÍŠIL

Libor Pavera

Poctivá služba literatuře, jejím autorům a vědě o ní

/15/

Bibliografie badatelské a tvůrčí činnosti Iva Pospíšila

(výběr)

/32/

TEXTY

Ольга Червинская

Мистическое как рецептивный парадокс: ключевые аспекты поэтики

/39/

Josef Dohnal

Pulzace jako literárněvědný pojem? Poznámka k inovativní myšlence I. Pospíšila

/69/

Роман Дзык

Французская интерпретация „русского нигилизма“: Достоевский на Манхэттене Андре Глюксмана

/79/

Anton Eliáš

Vývoj ruského románu 19. století jako „work in progress“

/86/

Jiří Fiala – Marie Sobotková

Polský básník Tadeusz Komar, účastník lednového povstání 1863–1864 internovaný v Olomouci

/97/

Anna Gawarecka

Rok 1945, rok 1968 – různé spojrzenia na Armię Radziecką w literaturze czeskiej

/115/

Marko Juvan

The Poetics of Slovenian Late Modernism: Lyrical Poetry without Emotion?

/136/

Jana Kostincová

Web – pavučina – Паутина i univerzální knihovna. Čtení jako závrat

/150/

Krištof Jacek Kozak

Poetry in Slovenian Court: The Case of Tomaž Šalamun

/157/

Petr Kučera

Spirituální poezie jako překračování hranic

/174/

Jiří Kudrnáč

Český literární impresionismus. K jeho cestám a podnětům

/186/

Petr Kylvoušek

Indiáni a kolonisté: o jedné z identitárních představ indiána v quebecké literatuře

/203/

Giuseppe Maiello

Pátrání po slovanském tricksterovi

/223/

О. В. Марченко

Поэзия мысли и русская философия всеединства: некоторые заметки о Евгении Баратынском

/234/

Zdeňka Matyušová

Pěšinkami času tušení a vzpomínek

/241/

Alena Mikulášková – Alexej Mikulášek

Petr Grigorjevič Bogatyrev jako překladatel Haškova Švejka: několik poznámek k polystylovosti a polylingválnosti českého textu v zrcadle ruského překladu

/254/

Ludmiła Mnich

До історії Українського Шекспірівського Товариства

/287/

Roman Mnich

„Homo Europae Centralis” как исследовательская проблема

/296/

Natália Muránska

Na margo románu Viktora Pelevina t

/309/

Наталья Никорьяк

Специфика кинорецепции литературной баллады («Букет» Ф.А. Брабеца)

/321/

Lenka Odehnalová

Tvorba F. M. Dostojevského v interpretaci profesora Iva Pospíšila

/341/

Libor Pavera

K současné metodologii poznávání středověké lyriky

/352/

Zdeněk Pechal

Роман М. Горького и жанр повести

/367/

Milan Pokorný

Dialog, metoda, morálka

/375/

Станислав Рылов

Профессор Иво Поспишил и современная славистика

/379/

Dariusz Rott

Krystyna Poniatowska w środowisku Jednoty Braci Czeskich w Lesznie

/385/

Michaela Soleiman pour Hashemi

Orhan Pamuk nejen ve vztahu k ruské literatuře

/400/

Jaroslav Sommer

O kontinuitě a dialogu

/415/

Patrik Šenkár

Filozoficko-nekonečné křišťálové planěty Anny Kaliankovej zo slov, veršov a básní

/426/

Václav Štěpánek

*Odpovědnost literárních tvůrců za prohlubování nacionalismu v Jugoslávii
koncem 70. a v první polovině 80. let 20. století*

/441/

Алёна Тычинина

Методологическое равновесие: ареальная концепция Иво Поспишила

/465/

Марина Уртминцева

*Концепция русской литературы и литературоведения в научном наследии
профессора И. Поспишила*

/489/

František Všeticka

Poetika Soykových dětí Viktora Dyka

/499/

Miloš Zelenka

Vzpomínka poněkud netradiční (Ivo Pospíšil „nevědeckýma“ očima)

/507/

Anna Zelenková

Komparatistika ako edukačný prostriedok porozumenia a komunikácie

/515/

Viera Žemberová

Marginália o texte a interpretovi

/527/

DOKUMENTY

František Všeticka

Pospíšil

(rispet)

/543/

Fotopříloha s komentáři

/545/

An abstract graphic design featuring several vertical black bars of varying widths on the left side. To the right of these bars, there are three horizontal black bars stacked vertically. The middle horizontal bar is replaced by a blue bar. The text 'JUBILANT IVO POSPÍŠIL' is positioned to the right of the vertical bars.

JUBILANT
IVO POSPÍŠIL

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ: АРЕАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИВО ПОСПИШИЛА В КОНТЕКСТЕ РУССИСТИКИ XX СТ. И ИДЕЙ УКРАИНСКИХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ

АЛЁНА ТЫЧИНИНА

(Чернівці)

Title: *Methodological Balance: the Areal Concept of Ivo Pospisil in the Context of Russian Studies of the 20th Century and of Ukrainian Literary Critics Ideas*

Ключевые слова: сравнительная методология; методологическое равновесие; Брненская литературоведческая школа; ареальная филология; ареальное литературоведение; Иво Поспишил.

Аннотация: На примере монографии Иво Поспишила *Методология и теория литературоведческой славистики и Центральная Европа* (2015) обозначаются методологические параллели современного чешского и украинского литературоведения. Выясняется методологическая платформа ученого в динамике компаративистики, феноменологии, исторической поэтики, жанрологии и ареальных исследований. Методологической рамкой и когнитивным инструментом в монографии И. Поспишила выступает ареальная (пространственная) филология. В специфической перспективе так называемого герменевтического круга обозначаются методологические принципы брненских ареальных исследований, аргументируются конкретные полномочия ареальной методологии, путем дедукции соответственно дискурс сужается, намечаются отдельные методологические сферы и, наконец, к анализу конкретных текстов современной чешской литературы подключается именно пространственная поэтика. Из обзора монографии И. Поспишила вытекает вывод о том, что „методологическое равновесие” чешского и украинского литературоведения обеспечивают общие „маятниковые движения” в истории литературного процесса, предполагающие как единый теоретико-литературный базис (труды А. Потебни, М. Бахтина, Д. Чижевского, Д. Дюришина), так и параллельные и влияния западноевропейского литературоведения, совместные научные мероприятия и традиционную исследовательскую оптику.

Keywords: comparative methodology; methodological balance; Brno Literary School; areal philology; areal literary studies; Ivo Pospisil.

Abstract: The article under studies identifies the methodological ties between modern Czech and Ukrainian literary studies on the example of Ivo Pospisil's monograph „Methodology and Theory of Literary Slavic Studies and Central Europe” (2015). The methodological platform of the scientist is shown in dynamics: comparative studies, phenomenology, historical poetics, genre studies and areal studies. Areal (spatial) philology becomes the methodological framework and „cognitive tool” in the above-men-

tioned work. Within the specific features of the hermeneutic circle, I. Pospisil outlines the methodological principles of Brno areal studies, as well as substantiates the powers of areal methodology. Hence, by means of deduction, he narrows the areas of its application and eventually connects spatial poetics to the analysis of specific texts of modern Czech literature. It is concluded that the „methodological balance” of Czech and Ukrainian literary criticism is ensured by common „pendulum movements” in the history of the literary process, common theoretical and literary basis (to works by O. Potebnya, M. Bakhtin, D. Chyzhevsky, D. Dyurishin), parallel influences of Western European literary criticism, as well as collective conference events and consensual research optics.

Хотя методология признается сегодня одним из базовых разделов литературоведения¹, именно методологические вопросы остаются наиболее проблемными. Удачно сформированная методологическая стратегия определяет пути исследования, помогает предотвращать распространенные явления терминологической и методологической несогласованности.

Проходя в континуальных границах наук классическую, неклассическую и постнеклассическую фазы, литературоведческая методология неизменно находилась под влиянием философского дискурса. Так, еще Михаил Бахтин в труде К методологии гуманитарных наук (1974) подчеркивал методологическую значимость философии как специфического “метаязыка”, в частности и в филологии². На сегодня бахтинские тезисы просматриваются в основополагающих принципах литературоведческой герменевтики, исторической поэтики, культурно-исторической школы, литературоведческой антропологии, постструктурализма и деконструктивизма.

Довольно часто литературоведческие методологические подходы формируются и закрепляются в рамках определенного филологического объединения (формальный метод, структурализм, психоанализ, семиотика) или литературоведческой школы (школа Александра Веселовского, школа Александра Потебни, школа Дмитрия Затонского, школа Анатолия Волкова, школа Нонны Копистянской, школа Михаила Гиршмана, школа Натальи Костенко). Относительно чешской

научной традиции необходимо подчеркнуть вес методологической платформы Брненской литературоведческой школы (Институт славистики философского факультета университета имени Масарика, Чешская Республика), достижения которой представлены в труде Методология и теория литературоведческой славистики и Центральная Европа Иво Поспишила. Согласованность методологических подходов чешского литературоведения (на примере указанной книги И. Поспишила) с украинской литературной теорией предстает крайне выразительной.

Иво Поспишил (1952 г.р.) – автор многочисленных книг и статей, выдающийся историк и теоретик литературы, методолог, руководитель одного из крупнейших центров русистики, председатель Чешской ассоциации славистов, Центральноевропейского Центра славянских исследований и славистического общества Франка Воллмана, главный редактор журналов Новая русистика и Slavica Litteraria, член редколлегии многих научных сборников (Zagadnienia Rodzajów Literackich, Stephanos, World Literature Review, Славистика, Slavistična revija, Spotkania humanistyczne, Studia Filologiczne, Studi slavistici, Slavia Centralis, Świat Słowian, Opera Slavica, Питання літературознавства). Научные интересы ученого сосредотачиваются на актуальных вопросах европейской славистики, истории славянских литератур, чешской, классической русской и англоязычной литератур, методологии, компаративистики, генологии, эмигрантологии.

В статье его коллеги Людвика Штепана отмечается, что И. Поспишил „обладает широкой профессиональной эрудицией, организаторским талантом и необычайным трудолюбием, умеет собирать способных людей для, казалось бы, неосуществимых проектов, вдохновлять их на работу”³. Более того, для сотрудников Брненского университета И. Поспишил стал образцом педагога, ученого и руководителя, „примером автора, который не только тщательно идет ad fontes и опирается на четко определенную теоретическую базу, но всегда представляет результаты своего исследования в более широком европейском контексте”⁴.

1 См. ТИЧІНІНА, А. (2018). *Сучасні методологічні практики*. Чернівці : Чернів. нац. ун-т, 159 с.

2 БАХТИН, М. (1986). *К методологии гуманитарных наук. Эстетика словесного творчества*. Москва : Искусство, с. 381–393.

3 ŠTĚPÁN, Ludvík. Významná meta uprostřed cesty (k padesátinám Iva Pospíšila). Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity. X, Řada literárněvědné slavistiky = Slavica litteraria. 2002, roč. 51, č. X5, s. 107.

4 Ibidem, s. 108

В одном из интервью И. Поспишил сам очерчивает историю формирования своих методологических предпочтений:

«Я был воспитан, в основном, в русле традиции чешского структурализма. На меня оказывали влияние такие личности, как чешский литературовед, позже американский профессор Рене Уэллек, о котором мы с коллегой Милошем Зеленкой написали в 90-е годы прошлого века книгу Рене Уэллек и межвоенная Чехословакия. Также на меня влияли и чешские слависты, в том числе основоположник брненской университетской литературоведческой славистики Франк Воллман – своей эйдологической, то есть морфологической концепцией сравнительного изучения славянских литератур. Методологически я начинал, скорее, как морфолог и сравнительный жанровед (генолог) литературы с уклоном в сторону антропологизма, но впитывал и разные другие течения, в том числе феноменологию, герменевтику (в меньшей степени). Конечно, меня вдохновлял и Михаил Бахтин (хотя сейчас я смотрю на его концепции скорее критически) – в моей книге о русском романе-хронике и хроникальном видении мира в целом.»⁵

Сочетание методологических принципов компаративистики, исторической поэтики и жанрологии можно наблюдать и в трудах ученого. Российская славистка Людмила Будагова подчеркивает, что И. Поспишил “сам по себе является целым научным институтом, высоко держащим марку чешской литературной славистики”⁶, его “эрудиция как специалиста по сравнительному изучению славянских литератур в европейском и мировом контексте сочетается в его трудах с выдвиганием собственных концепций различных сторон и сфер литературного процесса”⁷.

Стоит подчеркнуть, что методологические вопросы литературоведения И. Поспишил проблематизирует во многих исследовательских проектах⁸. Также ученый систематически акцентирует важность мето-

5 ГРЕЧАНИК, И. (2011). Иво Поспишил. Смотреть на Россию с любовью. Интервью. Русское поле, Вып. 10. URL: <http://parus.ruspole.info/node/242> (дата обращения: 24.05.2022).

6 БУДАГОВА, Л. (2012). Юбилей замечательного ученого: Иво Поспишил. Славянский мир в третьем тысячелетии, 2012. С. 181. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yubiley-zamechatelnogo-uchenogo-ivo-pospishil> (дата обращения: 24.05.2022).

7 Ibidem.

8 См.: POSPÍŠIL, I. Existence, struktura, rozpětí a transcendence staroruské literatury (po-

дологии на традиционных брненских конференциях и докторских семинарах. Отзываясь по поводу вступительного доклада И. Поспишила на конференции Проблемы поэтики (2006), Ольга Червинская подчеркивала, что чешский славист “справедливо почувствовал необходимость структурировать образ самой литературной науки как таковой и дал своеобразную „матрицу” ее современного состояния”⁹. „В целом, – как ею отмечалось, – ученый подчеркнул печальную тенденцию к падению научного престижа литературоведения, <...> обратил внимание на нехватку „большого серьезного дискурса о методологии”¹⁰. Такая проблема освещается во вводной части труда И. Поспишила *Методология и теория литературоведческой славистики и Центральная Европа*. Прежде всего речь идет о „методологическом смещении” в филологических науках – „укрепление филологического ядра и усиление окружающей плазмы родственных и близких научных отраслей”, что становится одновременно „преодолением имманентной замкнутости филологии” и „постепенным объединением <...> естественного филологического единства”¹¹. В украинской литературной теории аналогичный методологический кризис акцентировала некогда Соломия Павлычко:

«До недавнего времени все казалось совсем простым. Снимаем идеологические шоры и наступает расцвет всех гуманитарных наук. К сожалению, пока этого не произошло. С чувством свободы пришло чувство растерянности, скепсиса, а также осознания кризиса методологического характера, определяющего состояние украинского литературоведения на сегодняшний день»¹²

známky k některým metodologickým problémům). Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity. X, Řada literárněvědné slavistiky = *Slavica litteraria*. 1998, roč. 47, č. XI, s. 27–37; POSPÍŠIL, I. Významy a smysl (literárněvědné) slavistiky (příspěvek do diskuse). Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity. X, Řada literárněvědné slavistiky = *Slavica litteraria*. 2001, roč. 50, č. X4, s. 87–94; POSPÍŠIL, I. Nezbytí metodologické návaznosti, aneb, Poněkud vyprázdněná gramatika. Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity. X, Řada literárněvědné slavistiky = *Slavica litteraria*. 2001, roč. 50, č. X4, s. 141–143.

9 ЧЕРВИНСЬКА, О. (2010). Після Потебні, після Білецького, після Чижевського, після Затонського: сучасна українська літературознавча думка в межах ідей герменевтики та рецесивної теорії. Питання літературознавства, 81. С. 13.

10 Ibidem.

11 ПОСПИШИЛ, И. (2015). *Методология и теория литературоведческой славистики и Центральная Европа*. Siedlce : ELPIL, Т. XXI. С. 7.

12 ПАВЛИЧКО, С. (2002). *Теорія літератури*. Київ : Основи, С. 485.

Значительными и актуальными являются соображения И. Поспишила относительно так называемой методологической дисперсии (рассеивания) и о необходимости коммуникации ученых:

„Литературоведы больше не образуют единое спорящее целое, а представляют изолированные группы разных дискурсов – в мире всевозможных союзов и интеграций происходит абсурдная изоляция и образование замкнутых коммуникативных общностей. Это расхождение, дисперсия, рассеяние, разложение, распад являются существенным признаком современного литературоведения”¹³.

Львовский литературовед Нонна Копыстьянская, знакомая с методологией чешской славистики, очень положительно отзывалась о конференциях в Брно¹⁴, а также подчеркивала вес „плодотворного общения ученых” на этих научных симпозиумах¹⁵. Размышления по поводу креатива научной коммуникации встречаются у многих современных украинских ученых. Сегодня речь идет и об „оживлении принципов обмена исследовательского опыта в формате научного диалога”¹⁶.

Рассмотрим ниже переключки между отдельными тезисами монографии И. Поспишила *Методология и теория литературоведческой славистики и Центральная Европа* и аналогичными идеями украинских исследователей. Книга ученого состоит из одиннадцати разделов, основные тезисы которых ранее были апробированы на разных языках в международных журналах, в том числе и на украинском. Рецензируя данную работу автора, Йозеф Шаур отмечает ее сфокусированность на „проблемах точек контакта краеведения, славистики и сравнительных исследований, а также корнях ареального подхода”¹⁷. Однако, по справедливости, анализируемый труд свидетельствует о более емком использовании ареальной методологии – выделившись из

компаративистики, она приобретает сегодня междисциплинарные параметры.

В специфической перспективе герменевтического круга И. Поспишил предлагает методологические принципы брненских ареальных исследований, очерчивает их методологическую рамку, комментирует возможности и полномочия ареальной методологии, путем дедукции направляет ученых к рассмотрению отдельных сфер ее применения и, наконец, практически демонстрирует ареальную методологию в анализе конкретных текстов (Франтишека Каутмана, Оты Филиппа, Йиндржиха Зогаты, Михала Вивега).

Методологической рамкой и „когнитивным инструментом” у И. Поспишила выступают именно ареальные исследования vs „пространственная филология”, основанные Йозефом Добровским и славистической школой XVIII-XIX ст. Ареал (с лат. *area* – площадь, пространство) конкретно интерпретируется в значении „естественного, общественного, политического пространства”, что в значительной степени „проявляется через язык и его продукты”¹⁸. Исследователь отмечает, что хотя территориальные, зональные, пространственные отношения уже были в фокусе внимания Гастона Башелара, Мирчи Элиаде, Михаила Бахтина, главный акцент в ареальных студиях делается на социологическом и политологическом аспекте¹⁹. В методологическом плане здесь к филологии примыкают философия, психология, политология, социология, гендерные студии²⁰, то есть ареальная филология в целом приобретает интердисциплинарный контур. Именно с критериями пространственности, зональности и ареального измерения филологии И. Поспишил связывает возникновение новых лингвистических и литературоведческих дисциплин – этнолингвистики, когнитивной лингвистики, компаративистики, генологии/жанрологии, рецептивной поэтики, нарратологии, сюжетологии, что, по его мнению, свидетельствуют о возникновении „новой социологии литературы”, однако, по мнению ученого, во многом эта ситуация дезинтегрирует филологию²¹.

13 ПОСПИШИЛ, И. (2015). *Методология и теория литературоведческой славистики и Центральная Европа*. Siedlce : ELPIL, Т. XXI. С. 47.

14 КОПИСТЯНЬСКА, Н. (2014). З’їзди, конгреси, конференції, семінари як форми наукового спілкування. В Маценка С., Левицька О. (ред): *Діалогічні обертоги: науковий збірник на пошану пам’яті професора Нонни Копыстьянської*. Львів : Інститут Івана Франка НАНУ, С. 15–16.

15 Ibidem, с. 25.

16 ЧЕРВИНСКАЯ О., ДЗЫК Р. (2021). *Диалог: Про(за) Ф. М. Достоевского*. Siedlce : ELPIL, С. 7.

17 ŠAUR, J. (2016). *Dvě nové publikace brněnského slavisty v ruštině*. *Novaja rusistika*, № 2 (IX), s. 193.

18 ПОСПИШИЛ, И. (2015). *Методология и теория литературоведческой славистики и Центральная Европа*. Siedlce : ELPIL, Т. XXI. С. 7–8.

19 Ibidem, с. 8.

20 Ibidem, с. 7.

21 Ibidem, с. 53.

Отметим, что в Украине ареальная методология применяется в основном в лингвистике, а литературоведческие исследования, хотя и не содержат „ареальной” терминологии, но по факту являются концептуально согласующимися с методологическими критериями чешских ареальных исследований и позицией И. Поспишила. Возможно, в своих теоретических исследованиях сближалась с аналогичной позицией и покойная Соломия Павлычко, что просматривается в ее статьях о модернизме и постмодернизме²², с которыми, кстати, был знаком и профессор Поспишил (даже рецензировал одну из них²³).

Самые известные труды по проблематике пространства и времени в Украине принадлежат упомянутой выше львовской славистке-жанрологу Нонне Копыстянской. Опираясь главным образом на труды Михаила Бахтина, Стефании Скварчинской, Алексея Чичерина, Дмитрия Лихачева и др., она разработала собственную методологию преимущественно на материале чешской и словацкой литературы (творчество Яна Коллара, Иржи Волькера, Сватоплука Чеха, Ярослава Гашека, Карела Чапека). Определяющим фактором дифференциации жанров, основой для моделирования „жанровой спирали” и многочисленных конструктивных схем в концепции Н. Копыстянской выступает хронотоп. В целом художественное пространство ученой рассматривала как объективно-субъективную категорию, которая выступает важным компонентом стилистики, описательной и исторической поэтики. В аспекте ареального принципа ученой стратифицировала пространство текста на внешнее, локальное (реально изображенная среда, в котором находится персонаж или автор) и внутреннее пространство (метафорическое или символическое выражение характера, состояния души персонажа или автора)²⁴. Время и пространство в литературе, по Н. Копыстянской, предстают „воспринятыми, пережитыми и воспроизведенными, заново смоделированными субъектом”²⁵. В результате осуществляется „индивидуализация и типизация пространством персонажа, страны, эпохи, народа, нации, общечеловеческой культуры

22 См. ПАВЛИЧКО, С. (2002). *Теорія літератури*. Київ: Основи, с. 277–419.

23 См. POSPÍŠIL, I. Originální pohled na modernismus. Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity. X, Řada literárněvědné slavistiky = *Slavica litteraria*. 2000, roč. 49, č. X3, s. 85–87.

24 КОПЫСТЯНСЬКА, Н. (2012). *Час і простір у мистецтві слова*. Львів: ПАІС, С. 90.

25 Ibidem, с. 86–87.

и одновременно раскрытие автором самого себя”²⁶. Н. Копыстянская очертила специфику поэтики пространства, своего/чужого хронотопа, социально-исторического пространства. Предложенные ею методологические векторы в дальнейшем развернули в диссертационных работах ее ученики и участники международного научно-методологического семинара „Проблемы художественного времени, пространства, ритма” (О. Аксютин, О. Левицкая, С. Маценка, Л. Мельничук, Н. Полищук, Н. Тодчук, Л. Цёх, Л. Цыбенко, А. Шевченко, Н. Шевчук и ряд других). Впрочем, научная школа Н. Копыстянской прорабатывала концепцию пространства и времени преимущественно в методологическом русле генологии.

Концептуально сближаются с Брненской ареальной методологией многочисленные диссертационные изыскания и других украинских литературоведов: Лилии Приходько Художественное время и художественное пространство в поэзии (2004); Романа Козлова Художественное время и художественное пространство в драматургии (на материале украинской литературы XVII-XVIII ст.) (2005); Алексея Кыскина Урбанистический хронотоп в постмодернистском романе (2006); Виктории Сикорской Художественное пространство в исторических романах Павла Загребельного (2007); Натальи Ивановой Литературный пейзаж и ментальное пространство автора в русской прозе XIX века (2011); Натальи Нестеренко Модели хронотопа в исторических романах Павла Загребельного 1980-90-х годов (2015); Александра Виноградова Антропологизация географического пространства в прозе Жоржа Перека (2016); Юлии Исапчук Дихотомия провинции и метрополии в прозе Ингеборг Бахман (2016); Марьяны Штогрин Урбанистические топосы современной украинской литературы: традиции и трансформации (2016); Веры Романышин Проблемы теории пространства города в литературе (на материале творчества Бруно Шульца и Деборы Фогель) (2017); Дианы Коваленко Моделирование образов пространства времени в современном украинском романе (2018); Олеси Дыбовской Украинская литературная сказка конца XX – начала XXI века: поэтика хронотопа (2021); Карине Хачатурян Художественное время и пространство в романистике Панаса Мирного (2021) и др.

26 Ibidem.

Также имеет место ряд украинских монографий, где, соответственно, раскрывается пространственная проблематика: Игорь Бондарь-Терещенко *Ostmodern: геопэтика, психология, власть* (2005); Вера Фоменко *Город и литература: украинское видение* (2007); Алексей Сухомлинов *Культурные пограничья: Новый взгляд на старую проблему* (2008); Роман Козлов *Хронотопика драм И. Франко: теория, практика, интерпретация* (2012); Светлана Садовенко *Хронотопы аксиосферы украинской народной художественной культуры* (2019) и др.

О согласованности с чешскими ареальными исследованиями и геопэтикой также свидетельствуют проведенные в Украине в последнее десятилетие конференции: Международный поэтологический коллоквиум Потенциал провинции как источник утопий (Черновицкий национальный университет, 2013); In *Memoriam*: Научная конференция в честь памяти профессора Нонны Копыстянской (Львовский национальный университет, 2014); Международная научная конференция Поэтика дома (Киевский национальный лингвистический университет, 2016); Всеукраинская научная конференция Пределы, границы и пограничные рамки в литературе (Черноморский национальный университет, 2017.); Международная научная конференция Нарративы перемещений и географии идентичностей в художественном дискурсе (Киевский национальный лингвистический университет, 2020); VII Международная научная конференция Художественные феномены в истории и современности. Географическое пространство и художественный текст (Харьковский национальный университет, 2021).

Причастен к проблематике ареальной методологии и ряд украинских научных изданий. Спецвыпуск журнала *Иностранная филология „Свое/чужое время, пространство, ритм”* (Львовский национальный университет, 2003) определяется „первым в украинском литературоведении сборником, который сконденсировал труды исследователей по проблемам художественного времени, пространства, ритма”²⁷. В коллективной монографии *Императив provincia* (2014) раскрывается специфика социокультурных феноменов „провинция”, „столица”, „империя”. Соответственно описывает специфику преодоления гра-

27 ЛЕВИЦЬКА, О. (2015). Наукова школа професора Нонни Копистянської: методологічні передумови та наукові здобутки. Питання літературознавства, Вип. 92, с. 185.

ниц и „новое картографирование” европейского пространства сборник научных трудов *Переступление границ в литературе и культуре XX-XXI ст.* (2020). В рамках научного издания *Современные литературоведческие исследования* появился спецвыпуск *География, перемещение и идентичность в художественном дискурсе* (2020). Также в 2020 г. вышел первый выпуск журнала *Геопэтические исследования*, проблематика которого напрямую ориентируется в комплексе на геопэтику в литературоведении, культурологию и философию.

И. Поспишил в рамках „ареальной компаративистики” выделяет несколько сфер применения ареальных исследований: ареальные исследования и социальные науки, ареал и фикционные миры, ареал и история литературы/теория истории литературы, ареал и диалог культур, ареал и культурология²⁸. Следуя практике сравнительного метода, ученый обращается к работам Дж. Нойбауэра, М. Корнис-Поупа, Й. Грабака, Д. Дюришина. Именно Д. Дюришин, как он акцентирует, „постепенно создавал новую научную отрасль – межлитературность со всеми ее аспектами, включая особые межлитературные общности <...> и литературные центризм”²⁹.

Соответственно и в исследованиях украинских компаративистов артикулируется специфика межлитературного ареала в зависимости от особенностей истории, культуры, традиций, характера межлитературных связей. К примеру, Василий Будный и Николай Ильницький очерчивают особенности отдельных литературных ареалов, „совпадающих со сферой функционирования родственных языков”³⁰. В этом ключе им близки компаративные исследования таких украинских ученых, как Анатолий Волков, Людмила Грицик, Роман Громьяк, Тамара Гундорова, Дмитрий Наливайко, Анатолий Нямцу, несмотря на то, что исследователи не озвучивали широко термин ареал.

Отталкиваясь от пространственной концепции, И. Поспишил входит в зону литературоведческой аксиологии, призывая отказаться „от

28 ПОСПИШИЛ, И. (2015). *Методология и теория литературоведческой славистики и Центральная Европа*. Siedlce : ELPIL, Т. XXI. С. 9.

29 Ibidem, с. 13.

30 БУДНИЙ, В. ІЛЬНИЦЬКИЙ, М. (2008). *Порівняльне літературознавство*. Київ : Вид. дім „Києво-Могилянська академія”, с. 222–223.

усилий ценностно унифицировать литературный процесс, т.е. представлять одну модель в качестве образцовой”, поскольку понятия определенной „отсталости”, „опоздания”, становятся „пейоративно аксиологическими” и фактически дискриминационными: „У каждой национальной литературы есть свои парадигмы развития <...>, со своим собственным, аксиологически автохтонным ритмом”³¹. Он также не оставляет без внимания усиленный интерес теоретиков и историков литературы к массовой культуре и „тривиальной” литературе второй половины XX ст., связывая этот факт с переходом от модернизма к постмодернизму:

«Конец 60-х – нач. 70-х гг. действительно является переломным периодом практически во всем: конец романтических революций в США и Западной Европе, конец „человеческих лиц” социализма в так называемой Восточной Европе, или в советском блоке, реальность, status quo, четкие контуры – все это знаменует и новые сдвиги в видении искусства и мира.»³²

Мысль И. Поспишила созвучна с выводами Дмитрия Затонского, представлявшего постмодерн как „эпохальный порог”, порождающий чувство разрыва между старым и новым³³. В итоговой книге Д. Затонского говорится о специфической трансгрессии, о „стирании границ” в искусстве постмодернизма, логике особого постмодерного мышления. Постмодернистское состояние мира выступает в его концепции „результатом болезненной утраты, даже всемирного духовного краха”, поскольку, по убеждению ученого, в 70-х гг. постмодернизм „начался как бы с финала”³⁴.

В рамках ареальной филологии можно проследить общественно-историческое влияние на методологическую ситуацию в определенной стране. Препарируя феномен украинского постмодернизма, Т. Гундорова мыслит его как социокультурную рефлексию, что в

31 ПОСПИШИЛ, И. (2015). Методология и теория литературоведческой славистики и Центральная Европа. Siedlce : ELPIL, Т. XXI. С. 13.

32 Ibidem, с. 12.

33 ЗАТОНСКИЙ, Д. (2000). Модернизм и постмодернизм : Мысли об извечном коловращении изящных и неизящных искусств. Харьков : Фолио; М. : ООО „Издательство АСТ”, с. 27.

34 Ibidem, с. 240–242.

коннотации с ареальной методологией „выполняет роль топографического указателя на грани своего и чужого, интимного и социального пространств, собственного тела и внешнего мира, биографии и литературы”³⁵. Ее внимание сосредоточено, прежде всего, на ареале литературы, создававшейся на меже двух геополитических зон – бывшего Советского Союза и современной Европы, ею отмечается безусловная „привлекательность” для украинских постмодернистов образа „большой” и „единой” Европы³⁶, прежде ассоциируемых с массовой культурой.

В монографии И. Поспишила важными темами являются исследование символа в „мультидисциплинарном и интердисциплинарном” контексте чешского литературоведения, отсюда – общественное и идеологическое давление на послевоенную методологию и, в частности, на лотмановский структурализм. Аналогичная ситуация была весьма характерна и для украинского литературоведения соответствующего времени. В качестве выразительного примера автор приводит историю из собственного опыта, когда его кандидатскую диссертацию, в конечном итоге утвержденную, обвиняли в структурализме, что привело ученого к следующему выводу:

„Парадоксальным образом эта неприязнь к имманентным методам привела в чешской среде к новому некритическому обожанию этих методов и, таким образом, к торможению проникновения новых постструктуралистских веяний, в том числе и гадамеровской герменевтики, различных психологических методов, новой социологии литературы, Konstanzer Schule”³⁷.

В методологическом русле новый взгляд на символ как троповую фигуру был представлен ученым с опорой на труды Франтишека Катмана, Олега Суса, но преимущественно – Савы Шабоука, сумевшего создать в условиях достаточно напряженной политической атмосферы Пражский исследовательский коллектив – „особую школу эстети-

35 ГУНДОРОВА, Т. (2013). Післячорнобильська бібліотека. Український літературний постмодернізм. Київ : Критика, с. 223.

36 Ibidem, с. 223–224.

37 ПОСПИШИЛ, И. (2015). Методология и теория литературоведческой славистики и Центральная Европа. Siedlce : ELPIL, Т. XXI. С. 18.

ки” по исследованию символа³⁸. Разработанная коллективная концепция символа представляла специфическим сочетанием марксистской философии (официально) со структурализмом и феноменологией, игнорируя психологические методы. Отталкиваясь от идей Пражского исследовательского коллектива и С. Шабоука, И. Поспишил делает вывод о современном теоретическом интерпретировании аллегории и символа как взаимопереходных формах:

„Как и аллегория, иконический символ нуждается в определенном ситуационном коде. В этом смысле все иконические символы являются потенциальными аллегориями, и на определенном этапе интерпретации все иконические символы могут трансформироваться в аллегории”³⁹.

Поддерживая методологическую концепцию Поля Рикера, И. Поспишил соглашается с тем, что аллегория невозможно отделить от символа полностью, поскольку они интегрированы и связаны с другими тропами, особенно с метафорой: „Символ – это аллегория, которая отказалась от своей транспарентности, прозаичности, легкой удобочитаемости „читабельности”, которая стала более имманентной. Таким образом, возникает круг „аллегория – живая метафора – символ”⁴⁰.

Вопросы разграничения аллегории и символа аналогично рассматривают и украинские теоретики Александр Волковинский, Михаил Гиршман, Борис Иванюк, Мария Моклица, Наталия Костенко, Элеонора Соловей-Гончарик и пр. В частности, в монографии М. Моклицы „Аллегорический код литературы, или Реабилитация аллегории продолжается” (2017) акцентируется бинарность связи аллегории с символом, которые „то враждуют, то дружат до нераздельности”⁴¹.

И. Поспишил также не оставляет без внимания вопросы творческой авторефлексии и самооценки, считая их „доминантным смыслом искусства и художественного творчества”, являющихся, по его точной метафоре, „сообщающими сосудами одного духовного акта внутренней

сущности”⁴². В этом вопросе И. Поспишил переключается с потебнианской методологической концепцией внешней и внутренней формы слова, отмечая в данном случае, что „из значения слова он [Александр Поттебня – А.Т.] трансцендирует к художественному произведению”⁴³. В частности, речь идет о подходах, „выражающих соотношение творца и творчества, его авторефлексию и автоаксиологию”⁴⁴. Подчеркивая значение идей А. Поттебни для литературоведческой методологии, ученый ассоциирует его эстетику с психологическим методом в литературоведении, с *Geisteswissenschaft* и с фрейдовским психоанализом, однако, акцентируя ее первенство в хронологическом плане: „В этом отношении Поттебня предвосхищает и анализы мета- и квазитекстов, интертекстуальности и всего того, что гораздо позже связывалось с дискурсами постмодернизма”⁴⁵. С этими выводами согласуются и убеждения украинских ученых. Так, Зоряна и Марьяна Лановык, анализируя психолингвистическую теорию О. Поттебни в границах от европейских философских истоков до методологических воздействий в XX ст., конкретно останавливаются на „идее об языковой укорененности культурной и социальной антропологии, о взаимосвязи мышления, языка и образов в психоанализе <...>, о власти языка над человеком в учении экзистенциалистов”, а также концепциях Эдуарда Сепира, Джона Серля, Мишеля Фуко⁴⁶. Влияние А. Поттебни на методологию украинского литературоведения было концептуально обобщено О. Червинской⁴⁷. В работе Романа Дзыка говорилось о влиянии А. Поттебни, в частности, на теорию интертекстуальности⁴⁸. Александр Волковинский сравнил „тропологические” концепции А. Поттебни и А. Веселовского⁴⁹. Таким образом, несомненно, что проблема

42 ПОСПИШИЛ, И. (2015). *Методология и теория литературоведческой славистики и Центральной Европа*. Siedlce : ELPIL, Т. XXI. С. 37.

43 Ibidem, С. 35.

44 Ibidem.

45 Ibidem, С. 38.

46 ЛАНОВИК, М., ЛАНОВИК, З. (2014). *Теорія О. Поттебні в літературознавчому континуумі ХХ ст. „З роду нашого красного...”: перша професорка Волині: зб. наук. пр. на пошану проф. Л.К.Оляндер*. Луцьк : Східноєвропейський нац. ун-т, с. 112.

47 ЧЕРВИНСКА, О. (2010). Після Поттебні, після Білецького, після Чижевського, після Затонського: сучасна українська літературознавча думка в межах ідей герменевтики та рецептивної теорії. Питання літературознавства, 81, с. 3–23.

48 ДЗИК, Р. (2010). Олександр Поттебня і теорія інтертекстуальності. Питання літературознавства, 81, с. 37–44.

49 ВОЛКОВИНСЬКИЙ, О. (2007). О. Поттебня і О. Веселовський: теоретичне та історичне тлумачення епітета. Питання літературознавства, № 73, с. 3–10.

38 Ibidem, с. 20–21.

39 Ibidem, с. 23.

40 Ibidem, с. 26.

41 МОКЛИЦЯ, М. (2017) *Аллегоричний код літератури, або Реабілітація аллегорії триває*. Київ : Кондор-Видавництво, с. 22.

авторerefлексии и автоаксиологии творчества в чешском и украинском литературоведении свидетельствуют об общей методологической базе.

Одним из наиболее развернутых векторов применения ареальной методологии в книге И. Поспишила выглядит анализ феномена Центральной Европы в литературоведении. По его убеждению, данный объект является сегодня весьма актуальным, однако „всегда внутренне противоречивым”, поскольку само понятие выступает „динамическим, подвижным, неустойчивым, изменяющимся”⁵⁰. В географическом аспекте Центральная Европа – это территория части Германии (Саксония и Бавария), части Польши, вся Австрия, Чехия, Моравия, чешская и польская Силезия, части Украины и Румынии, поэтому этот локус иногда отождествляется для И. Поспишила с территорией бывшей Австро-Венгерской монархии. В связи с тем, что географическая матрица постепенно перемещается в административно-политическую или геополитическую, ученый акцентирует значимость этнолингвистической и культурологической точек зрения. Центральная Европа отождествляется им „с культурой и менталитетом, которые воздействуют на процесс культурной коммуникации, на структуру языка, литературы, на духовный мир человека”⁵¹. Отталкиваясь прежде всего от концепции Диониза Дюришина, И. Поспишил систематически настаивает на том, что на территории Центральной Европы сформировался так называемый „центрально-европейский центризм”⁵², в результате чего следует признать, что на территории Центральной Европы сложился „мультикультурализм еще до мультикультурализма”⁵³. Соответственно указывается ряд мультикультурных центров, в частности Вена – межвоенный интеллектуальный центр и важный для многих эмигрантов „культурный треугольник” Прага – Брно – Вена⁵⁴. Также в монографии И. Поспишила развернуто анализируется влияние Центральной Европы, средневропейских университетских и научных традиций на возникновение Пражского лингвистического

50 ПОСПИШИЛ, И. (2015). Методология и теория литературоведческой славистики и Центральная Европа. Siedlce : ELPIL, Т. XXI. С. 39.

51 Ibidem, С. 39–40.

52 Ibidem, С. 41, С. 112.

53 Ibidem, С. 41, С. 117.

54 Ibidem.

кружка, в частности, на научное становление Сергея Вилинского, Романа Якобсона и Рене Веллека/Уэллека. В связи с этим „мультикультурная Центральная Европа” выступает „выгодной коммуникативной плоскостью, которая может оживить филологическую тематику и методологию”⁵⁵.

Отметим, что в Украине мультикультурную методологию с учетом параметров отдельных „ареалов” одними из первых начали внедрять Тамара Денисова и Наталия Высоцкая (правда, в первую очередь по отношению к американской литературе). Так, Н. Высоцкая, в связи с вопросом об идентичности анализировала литературные процессы в мультикультурном пространстве⁵⁶. Об актуальности мультикультурных исследований в связи с „несомненным влечением к европейскому сообществу” и тотальным усилением глобализационных процессов шла речь в работе Т. Денисовой⁵⁷. Таким образом, мультикультурность также является одним из значимых векторов ареальной методологии.

Когда в начале прошлого века Центральная Европа была „перекрестком идейных течений”, а в межвоенной Чехословакии господствовала „продуктивная атмосфера”, в литературоведческий дискурс вступает русский научный дискурс в лице эмигранта С. Вилинского – „основателя брненской литературоведческой русистики”⁵⁸. Под влиянием нового научного контекста И. Поспишил подробно рассматривает эволюцию именно его метода, подчеркивая, что в этой личности „складывается система восточно-западного и северо-южного движения мысли, т.е. то, что множество явлений, которые ныне воспринимаются как связанность русско-французско-американская, зародилось в центрально-европейском культурном пространстве”⁵⁹. Комментируя его университетскую и научную деятельность, И. Поспишил, в частности, отмечает связь с М. Бахтиным, чьим преподавателем был С. Вилинский. По наблюдению И. Поспишила, С. Вилинский следо-

55 ПОСПИШИЛ, И. (2015). Методология и теория литературоведческой славистики и Центральная Европа. Siedlce : ELPIL, Т. XXI. С. 48.

56 ВИСОЦЬКА, Н. (2010). Єдність множинного. Американська література кінця ХХ – початку ХХІ століть у контексті культурного плюралізму. Київ : Вид. центр КНЛУ, С. 10.

57 ДЕНИСОВА, Т. (2012). Історія американської літератури. Київ : Вид. дім „Києво-Могилянська академія”, с. 409.

58 Ibidem, С. 69.

59 Ibidem, С. 55.

вал затем подхваченной М. Бахтиным методологической практике А. Веселовского, мыслил в аспекте „интеграции компаративистики, исторической поэтики и социального фона”⁶⁰. В условиях межвоенной Чехословакии С. Вилинский смог перейти к новой методологической платформе, став „предшественником литературоведческой мифологии, теории архетипов и мифопоэтики, интертекстуальности”⁶¹.

Центральная Европа предстает в книге брненского профессора не только реальным географическим топосом, но и духовным ареалом, центром столкновения разных культур и народов, интеграционным ядром. Обращено внимание на судьбы людей и реальные события, в которых отражается атмосфера времени, специфичная для центрально-европейского культурного пространства (как идеологического и методологического перекрестка)⁶².

В книге ученого ярким примером предстает фигура Р. Якобсона и его брненская судьба, воплотившего, по убеждению автора, „проникновение первоначально чужого элемента в средневропейскую литейную форму, казавшуюся слишком по-австро-венгерски законченной, негибкой, доведя ее до состояния понимания, прочувствования и созвучия”⁶³. Эта „чешская судьба” Р. Якобсона, по словам автора – „изъятая из бури гнева”, казалась довольно идиллической, более того, так ее понимал и сам Р. Якобсон, „т.е. с американской высоты и расстояния”⁶⁴. Вопреки тому, что жизненный путь Р. Якобсона в межвоенной Чехословакии был довольно драматичным, сегодня он, по мнению И. Поспишила, сознательно идеализируется:

„Он проходил буквально между жерновами событий, таких, как: неудача в попытке добиться пражской профессуры; переговоры по поводу должности профессора по договору в Брно; звание доцента и его подводные камни; исключительная профессура; попытка стать представителем штатной профессуры; снятие с должности заведующего Семинаром славянской филологии и de facto бессрочная пенсия

60 Ibidem, С. 61.

61 Ibidem.

62 Ibidem, С. 106.

63 Ibidem, С. 104.

64 Ibidem, С. 106.

по причине существовавшего тогда расового законодательства Третьего Рейха; после окончания Второй мировой войны – расторжение трудовых отношений с юридически законным, но по сути политическим подтекстом; наконец, после долгих лет – почетная докторантура в брненском Университете”⁶⁵.

По мнению И. Поспишила, методологический вес „дела Якобсона” удостоверяется еще и тем, что оно выступает на фоне „формирования филологических методологий”. Заслугой Р. Якобсона в этом аспекте было привнесение в чешский филологический дискурс „здорового импульса, дискуссии, полемики, бесспорных научных ценностей”, однако, наравне с этим, как акцентирует И. Поспишил, этот выдающийся русский формалист „проявил недостаточное вчувствование в автохтонное центрально-европейское, чешское и чехословацкое развитие”⁶⁶.

Значительное внимание в рассмотренной нами поспишиловской Методологии и теории литературоведческой славистики и Центральной Европа уделено литературоведческой концепции, изложенной в книге Дмитрия Чижевского *Russische Literaturgeschichte des 19. Jahrhunderts* (1964–1967). Для И. Поспишила Д. Чижевский предстает „типичным историком литературы, анализирующим детали литературного развития, поэтику прозы, стихотворение, драму и общественный фон”, однако его видение одновременно становится более широким, почти глобальным: „Его история – это хорошее, прекрасно обработанное стилистически повествование, однако всегда строго встроенное в более широкие эстетико-философские контексты”⁶⁷. В данном случае трактовка специфики русской литературы Д. Чижевского сопоставляется с традициями Брненской ареальной методологии: „В нашей концепции эволюционной модели русской литературы в общем доминантным является понятие пре-пост эффекта (парадокса): для русской литературы как таковой характерно восприятие чужих моделей и их трансформация, действующая как несовершенная имитация и, одновременно, как морфологическая инновация”⁶⁸. Основным недостатком концепции Д. Чижевского И. Поспишил считает

65 Ibidem, С. 105–106.

66 Ibidem, С. 115.

67 Ibidem, С. 143.

68 Ibidem, С. 145.

механическое применение „преимущественно западной парадигмы развития”⁶⁹. Вместе с тем, отмечается и актуальность периодизации и концепции развития русской литературы XIX в. Д. Чижевского, поскольку она „сохраняет в хаосе постмодернистских некритериев свое вневременное значение”⁷⁰.

Сегодня большинство украинских литературоведов также признаёт методологический вес концепций историко-литературного развития Д. Чижевского. Так, к примеру, Михаил Наенко, анализируя славянский литературный процесс в интерпретации Д. Чижевского, очерчивает методологию ученого, который, на его взгляд, немного захватил структурализма и формализма, когда в 30-х гг. XX ст. познакомился с деятельностью „пражского лингвистического круга” или посещал кружок „формального” изучения прозы Ф. Достоевского, но сама по себе дальнейшая литература представлялась ему стилем”⁷¹. Интересно, что именно в рецензии на одну из работ М. Наенко, говоря о чешском структурализме, профессор Поспишил подчеркивает, что „определенная методология зарождается на определенной территории и формируется ею, хотя ее источники разнообразны”⁷².

Аналогично рассуждениям И. Поспишила, исследовательница Оксана Блашків, очертив фигуру Д. Чижевского как украинского эмигранта, ставшего „органической составляющей” чешской науки и культуры, обращает внимание на ареал межвоенной Чехословакии и его влияние в становлении ученого как слависта мирового масштаба⁷³.

Показательно, что книга И. Поспишила завершается практически наблюдениями по поводу рецепции русской литературы чешской и словацкой культурной средой. В литературных связях И. Поспишил выделяет специфическую черту „Hassliebe” (досл. любовь-ненависть), поскольку восприятие русской литературы происходит „не прямоли-

нейно, а, наоборот, извилисто”⁷⁴. Исходя из этого, И. Поспишил видит отсутствие адекватного представления о современном состоянии русской литературы среди чешских и словацких читателей, осведомленных преимущественно в определенных направлениях, „перспективных или идеологически приемлемых” лиц⁷⁵. Возможно, аналогичный вывод является справедливым и в отношении современной украинской читательской среды, хотя еще в 70-х гг. прошлого века можно было видеть украинских исследователей темы связей восточных славян с чешской культурой⁷⁶.

Таким образом, формирование и развитие конкретной (ареальной) методологии определенной (брненской) литературоведческой школы, а в ее рамках – развитие методологической программы, развернуто изложенное авторитетным ученым, дает право на общий вывод об органическом паритете современных методологических подходов чешского и украинского литературоведения.

69 Ibidem, С. 149.

70 Ibidem, С. 151.

71 НАЄНКО, М. (2004). Порівняльна славістика в інтерпретації Дмитра Чижевського. Слово і час, 6, с. 66.

72 POSPÍŠIL, I. Vznik a vývoj ukrajinské literární vědy. Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity. X, Řada literárněvědné slavistiky = Slavica litteraria. 1998, roč. 47, č. XI, s. 117.

73 БЛАШКІВ, О. (2012). Дмитро Чижевський і наукова Чехословаччина 1930-х рр. Проблеми історії України: факти, судження, пошуки, Вип. 21, с. 303; с. 308.

74 ПОСПИШИЛ, И. (2015). Методология и теория литературоведческой славистики и Центральная Европа. Siedlce : ELPIL, Т. XXI. С. 153.

75 Ibidem, С. 164.

76 См.: ВОЛКОВ, А., СОЛОВЕЙ, Э. (1971). Две славянские трагедии об Атлантиде: („Атлантида” Л.Рейснер и „Сегодня еще зайдет Солнце над Атлантидой” В. Незвала. Чехословацко-русские литературные связи в типологическом освещении. Москва : Наука, С.194–223.

ЛИТЕРАТУРА

- БАХТИН, М. (1986). *К методологии гуманитарных наук. Эстетика словесного творчества*. Москва : Искусство, с. 381–393.
- БЛАШКІВ, О. (2012). Дмитро Чижевський і наукова Чехословаччина 1930-х рр. Проблеми історії України: факти, судження, пошуки, Вип. 21, с. 303–311.
- БУДАГОВА, Л. (2012). Юбилей замечательного ученого: Иво Поспишил. Славянский мир в третьем тысячелетии, 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yubiley-zamechatelnogo-uchenogo-ivo-pospishil> (дата обращения: 01.04.2021).
- БУДНИЙ, В. ІЛЬНИЦЬКИЙ, М. (2008). *Порівняльне літературознавство*. Київ : Вид. дім „Києво-Могилянська академія”, 430 с.
- ВИСОЦЬКА, Н. (2010). *Єдність множинного. Американська література кінця ХХ – початку ХХІ століть у контексті культурного плюралізму*. Київ : Вид. центр КНЛУ, 456 с.
- ВОЛКОВ, А., СОЛОВЕЙ, Э. (1971). Две славянские трагедии об Атлантиде: („Атлантида” Л. Рейснер и „Сегодня еще зайдет Солнце над Атлантидой” В. Незвала. Чехословацко-русские литературные связи в типологическом освещении. Москва : Наука, с. 194–223.
- ВОЛКОВИНСЬКИЙ, О. (2007). О. Потебня і О. Веселовський: теоретичне та історичне тлумачення епітета. Питання літературознавства, 73, с. 3–10.
- Геопоетичні студії. Науковий альманах. Феномен місяця.* (2020). Електронний академічний журнал. Вип. 1. Видавництво Національного університету „Острозька академія”, Острог. 45 с. URL: <https://journals.oa.edu.ua/geopoetic?fbclid=IwAR3cPHvKDZMtiifcU2KsokJKlQJUgynJczio8fOGAQJOQFcZUq6Uib5Y2oQ> (дата звернення: 01.04.2021).
- ГРЕЧАНИК, И. (2011). Иво Поспишил. Смотреть на Россию с любовью. Интервью. Русское поле, Вып. 10. URL: <http://parus.ruspole.info/node/242> (дата обращения: 01.04.2021).
- ГУНДОРОВА, Т. (2013). *Післячорнобильська бібліотека. Український літературний постмодернізм*. Київ : Критика, 344 с.
- ДЕНИСОВА, Т. (2012). *Історія американської літератури*. Київ : Вид. дім „Києво-Могилянська академія”, 487 с.
- ДЗИК, Р. (2010). Олександр Потебня і теорія інтертекстуальності. Питання літературознавства, 81, с. 37–44.
- ЗАТОНСКИЙ, Д. (2000). *Модернизм и постмодернизм : Мысли об извечном коловращении изящных и неизящных искусств*. Харьков : Фолио; М. : ООО „Издательство АСТ”, 256 с.
- КОПИСТЯНСЬКА, Н. (2012). *Час і простір у мистецтві слова*. Львів : ПАІС, 344 с.
- КОПИСТЯНСЬКА, Н. (2014). *З'їзди, конгреси, конференції, семінари як форми наукового спілкування*. В Маценка С., Левицька О. (ред): *Діалогічні обертони: науковий*

- збірник на пошану пам'яті професора Нонни Копистянської. Львів : Інститут Івана Франка НАНУ, с. 13–24.
- ЛАНОВИК, М., ЛАНОВИК, З. (2014). *Теорія О. Потебні в літературознавчому континумі ХХ ст. „З роду нашого красного...”: перша професорка Волині: зб. наук. пр. на пошану проф. Л.К.Оляндер*. Луцьк : Східноєвропейський нац. ун-т, с. 98–113.
- ЛЕВИЦЬКА, О. (2015). *Наукова школа професора Нонни Копистянської: методологічні передумови та наукові здобутки. Питання літературознавства*, Вип. 92, с. 181–190.
- МОКЛИЦЯ, М. (2017) *Алегоричний код літератури, або Реабілітація алегорії триває*. Київ : Кондор-Видавництво, 292 с.
- НАЄНКО, М. (2004). Порівняльна славистика в інтерпретації Дмитра Чижевського. Слово і час, 6, с. 65–67.
- ПАВЛИЧКО, С. (2002). *Теорія літератури*. Київ : Основи, 664 с.
- Переступи кордонів у літературі та культурі ХХ–ХХІ ст.* А. Гілле, П. Рихло, Є. Волощук та О. Чертенко (упор.). Київ : Вид. дім Дмитра Бурого, 2019, 344 с.
- ПОСПИШИЛ, И. (2015). *Методология и теория литературоведческой славистики и Центральная Европа*. Siedlce : ELPIL, Т. XXI, 172 с.
- Сучасні літературознавчі студії. Географія, переміщення та ідентичності у художньому дискурсі.* (2020). Київ : КНЛУ, Вип. 17. 104 с.
- ТИЧІНІНА, А. (2018). *Сучасні методологічні практики*. Чернівці : Чернів. нац. ун-т, 159 с.
- ЧЕРВІНСЬКА, О. (2010). Після Потебні, після Білецького, після Чижевського, після Затонського: сучасна українська літературознавча думка в межах ідей герменевтики та рецептивної теорії. Питання літературознавства, №81, с. 3–23.
- POSPÍŠIL, Ivo. Originální pohled na modernismus. Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity. X, Řada literárněvědné slavistiky = *Slavica litteraria*. 2000, roč. 49, č. X3, s. 85–87.
- POSPÍŠIL, I. Vznik a vývoj ukrajinské literární vědy. Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity. X, Řada literárněvědné slavistiky = *Slavica litteraria*. 1998, roč. 47, č. XI, s. 116–118.
- POSPÍŠIL, I. Existence, struktura, rozpětí a transcendence staroruské literatury : (poznámky k některým metodologickým problémům). Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity. X, Řada literárněvědné slavistiky = *Slavica litteraria*. 1998, roč. 47, č. XI, s. 27–37;
- POSPÍŠIL, I. Významy a smysl (literárněvědné) slavistiky : (příspěvek do diskuse). Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity. X, Řada literárněvědné slavistiky = *Slavica litteraria*. 2001, roč. 50, č. X4, s. 87–94;
- POSPÍŠIL, I. Nezbytí metodologické návaznosti, aneb, Poněkud vyprázdněná gramatika. Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity. X, Řada literárněvědné slavistiky = *Slavica litteraria*. 2001, roč. 50, č. X4, s. 141–143.